

Ги Бесс

ЗАБЫТЫЙ ПРОПОВЕДНИК ФРАНСУА-ЛЕОН РЕГИ (1725-1789)

Французский ежегодник 1970

перевод Н. И. Непомнящей

М.: Наука. 1972. С.123-139

Веб-публикация: *Vive Liberta*, 2011

Ссылки на материалы к теме даны нами после статьи

В своей книге «*Origines de l'esprit bourgeois en France*» («Истоки буржуазного мирозерцания во Франции») Грётхейсен (Groethuysen) часто ссылается на «аббата Реги, приходского священника в Гапе», проповеди которого «являются бесценным источником для ознакомления с умонастроением различных социальных классов в маленьком городке во времена старого порядка» (стр. 1, прим 1).

Обращение к архивам (в частности к переписке аббата П. Гийома, в архиве департамента Верхние Альпы) позволило нам исправить одну ошибку Грётхейсена, повторяющуюся у Флиша и Мартена¹. Реги не был приходским священником в Гапе. Франсуа-Леон, сын Бальтазара Реги и Марии Бернар, стал 9 сентября 1765 г. приходским священником в Баррелё-Ба, где он родился 27 октября 1725 г., в епархии Гапа. 29 августа 1758 г. он получил от монсеньера де Кондорсе, епископа Осерского, бенефиций в Бонни-сюр-Луар по представлению настоятеля монастыря этого города. Позже мы обнаружим его снова в епархии монсеньера де Кондорсе, ставшего в 1761 г. епископом Лизьё; 5 января 1773 г. он был назначен там приходским священником церкви Нотр-дам дю Амель. Он скончался у себя на родине в феврале 1789 г.

Нам мало что известно о жизни Франсуа-Леона Реги, которого подчас путали с его дядей, ставшим его преемником в Баррелё-Ба. Он имел степень лиценциата богословия и несомненно происходил из буржуазной семьи. Но установлено — и это безусловно важнее всего, — что его карьера была тесно связана с карьерой монсеньера де Кондорсе, дяди философа. Когда он был посвящен в духовный сан (28 июля 1744 г.), епископскую кафедру в Гапе занимал монсеньер де Кондорсе (с 1741 по 1754 г.). И тот же самый прелат устраивает его в епархии Осера и в епархии Лизьё (где Кондорсе был епископом с 1761 г.).

Так вот, известно, что монсеньер де Кондорсе резко восставал против янсенизма, под сильным влиянием которого находились епархии Осера, Труа и Санса. Янсенист Камюс, будущий депутат Учредительного собрания, выступавший на церковном соборе в Люсоне (1768) в защиту интересов духовенства второго ранга против «деспотизма епископов», станет в 1773—1774 гг. одним из противников епископа Лизьё. А в проповедях Реги бросается в глаза именно его преданность епископату, который он защищает во всех отношениях. Как бы могущественны ни были епископы, какими бы значительными средствами они ни располагали, этого все равно будет недостаточно, дабы совершить все зависящее от них добро.

¹ *Fliche et Martin Histoire de l'Eglise XIX*, 1, p 299—300.

Стремиться удалить их от двора, от столицы, значит предоставить врагам церкви полную свободу действий при королевском дворе. Знатное происхождение, престиж, богатство — вот что вызывает уважение к епископам со стороны «резонеров» и «всемирных реформаторов», которые оспаривают епископскую власть².

В 1766 г. Ф. Л. Реги издает в Париже, у Клода Блэз, «*La Voix du Pasteur, discours familiers d'un curé à ses paroissiens pour tous les dimanches de l'année*» («Глас пастыря, безыскусственные проповеди одного священника своим прихожанам на каждое воскресенье года»), в двух томах, в 12-ю долю листа. Он предлагает их, по его словам, народу «такими, как их слышали мои прихожане». Но, во всяком случае, переработанными, что придает им, в совокупности, характер образцового сборника. «Один из лучших в своем роде», как писал впоследствии аббат Минь (Migne), включивший Реги в свою антологию христианского ораторского искусства (т. 95).

Этот «Глас пастыря» имел успех. И Реги опубликовал в 1773 г. у того же издателя второй сборник воскресных проповедей. Первый сборник, разъясняет он, предназначался «исключительно для деревень и для маленьких провинциальных городков; этот же охватывает, если я не ошибаюсь, обязанности, пороки и добродетели всех слоев населения».

Расширение аудитории, но направленность как одного, так и другого сборника Реги остается неизменной, и его интерес к простонародью, городскому или сельскому, не ослабевает. Автор этих проповедей — человек, хорошо знающий тех маленьких людей, о которых он говорит. Они перед нами, как живые: мы их видим, мы их слышим. И в ярких страницах тоже нет недостатка. Реги идет прямо к цели и редко разрешает своему красноречию вырваться в многословие. Он относится к сану священника всерьез. Об этом можно судить не только по его проповедям, но и по его «*Lettre à un jeune curé*» («Письмо молодому священнику», Руан, 1787), этому строгому и усердному описанию обязанностей пастыря, которому он советует составить в форме «каталога» опись «положения семей», входящих в его «паству»: свыше трехсот семейств, разбросанных по множеству деревушек³.

Трудно было бы найти проповедника, более враждебного и более чуждого современной ему философии. Он не расстается с евангелием (в особенности от Матфея), с посланиями св. Павла и прекрасно знает Библию⁴. Он глубоко убежден в том, что связь священника с «народом» в точности соответствует связи пастуха с его «стадом».

Народ-паства, «простодушный» и «покорный», собирающийся в храме по воскресеньям в полном составе, чтобы воспринять слово того, кого он отождествляет с Христом⁵ и кто вливает в него жизнь. Эту паству необходимо любой ценой сохранить в своем приходе. Реги мечет гром и молнии против тех, кто посещает мессу в часовне какого-нибудь монасты-

² По этому вопросу см. «*La Voix du Pasteur*, 2-ème Dominicale («Глас пастыря»). «Второй сборник воскресных проповедей», 14-е воскресенье после троицы).

³ Реги требует от своего собрата, чтобы он сам преподавал катехизис детям старше 12 лет; остальных можно доверить викарию. В эти последние десятилетия века проблема катехизиса была так же важна, как и те, которые выдвигал упадок богословских наук. См. по этому вопросу пастырское послание Дебуа де Рошфора, епископа Амьенского (1795), приводимое в книге В. Плонжерон. *Conscience religieuse en révolution* (р. 145).

⁴ Этим объясняется его привлекательность для протестантов. В 1891 г. С. Майе (S. Mailet), кандидат на степень бакалавра богословия, представил факультету протестантского богословия в Монтобана посвященную Реги диссертацию «*Un prédicateur populaire catholique, le curé Réguis*» (Montauban, Imprimerie administrative et commerciale J. Granié).

⁵ «Совершенно очевидно, мои дорогие прихожане, что нравственный облик пастырей тождествен нравственному облику Иисуса Христа» («Первый сборник воскресных проповедей»). Второе воскресенье после пасхи (О нравственном облике и власти пастырей).

ря. До верующего, посещающего церковь, всегда доносится голос пастыря. А у пастыря нет иного места, где он был бы виден всем, составляющим его паству. Молодой священник не должен никогда забывать, что для его прихожан частое принятие причастия и исповедь — «лекарство от всех недугов и источник всякого блага... В этом всё, вне этого — ничего. Будьте же всегда готовы выслушать их. Пусть они никогда не дожидаются вас»⁶.

Реги — типичный представитель тех, для кого вера возможна лишь в рамках установленных норм и благодаря им. Норм, столь же непоколебимых, сколь непоколебимо учение евангелия. Истинно верует только тот, кто верует, состоя в церкви, кто верует в церковь. И Реги твердо проводит различие между теми, кто «поучает», и теми, кто «внимает»⁷.

Именно в этой церкви, в ее пастыре и в ее приходе, в ее символике и обрядности, народ ежедневно черпает новые силы. Не тот народ, который обязан своим существованием свободной и суверенной воле. Но народ-агнец, которого призывает пастырь, народ-дитя, которого он воспитывает, которого он пробуждает и приводит к богу, открывая ему глаза на его зависимое положение, его ничтожество, постоянно внушая ему смирение (*en lui enseignant un perpétuel pauvre-de-toi qui t'écoutes*), ведя его за руку всю жизнь до самой смерти.

В этом народе гордецы не найдут себе подобных. Не признающие закона, развращенные, они «выделяются» тем, что отвергают набожность, оставляя ее смиренным. А тот, кто утрачивает простоту, утрачивает и веру. Ибо сложна теология, но не вера. Вера общедоступна. Значит, она прямо противоположна вере рассуждающей, оспаривающей. Это вера тех, кто верит в церковь потому, что так поступали их отцы, и потому, что верить можно только ей. Они верят потому, что они существуют, потому, что они народ.

«А где она встречается, эта прекрасная и драгоценная простота веры? Обычно среди народа, не правда ли? Он верит, не рассуждая, в то, во что верили его отцы, в то, чему его учат его пастыри. Он не вступает в спор из-за всяких «как» и «почему», он довольствуется своим катехизисом, он не хочет быть хитроумней папы, епископов и всей Церкви. Он внимает пастырям, данным ему богом в наставники, и позволяет направлять себя»⁸.

Самый скромный человек чувствует себя значительным во Христе. Самый тупой человек понимает Иисуса. Самый обездоленный открывает для себя с восторгом, что все свои муки Иисус принял из любви к нему.

«Сын божий, приняв облик человека, сделался видимым и осязаемым для всего мира, и благодаря этому даже самые невежественные и самые ограниченные люди обрели возможность, едва их озарит свет веры, познать и постичь его»⁹.

В своем «Втором сборнике воскресных проповедей», который адресован, как мы видели, к более широкой аудитории, к представителям всех слоев населения, Реги считает нужным подчеркнуть, что быть истинным сыном церкви не значит отвергать свет разума. Когда разуму дано надлежащее направление, он ведет нас к вере. И Реги настаивает по всякому поводу и без повода на существовании систематической связи между различными догматами¹⁰. Но истолковывать все касающееся веры «имеют право толь-

⁶ «Lettre à un jeune curé».

⁷ «Второй сборник воскресных проповедей». Четвертое воскресенье после троицы (О вере)

⁸ «Первый сборник воскресных проповедей» Четвертое воскресенье поста

⁹ «Первый сборник Проповедь на воскресенье восьмидневного празднования после рождества» (О познании Иисуса Христа)

¹⁰ «Второй сборник» Четвертое воскресенье после богоявления (О вере).

ко пастыри поставленные дабы поучать нас»¹¹. Перед христианским учением бессильны все ухищрения свободы совести.

Защитим же этот невинный народ против того, что ему угрожает, против «этого скопища нелепых суеверий, искоренить которые нам стоит такого труда. Счастливые или несчастливые дни недели, предзнаменования добра или зла, о которых возвещает вам крик некоторых птиц; ваша вера в сны, в прорицателей, в мнимое колдовство, в привидения, и, что еще того хуже,— вы ссылаетесь на священное писание, вы осеняете себя крестным знамением, занимаетесь чисто мирскими делами, в которых злой дух принимает иногда слишком большое участие...»¹²

Уже в первом сборнике воскресных проповедей Реги подвергал жестокой критике «ложное благочестие», побуждающее этих простаков отправляться в дальние паломничества, чтобы поклониться «тому или иному святому», «той или иной святой». Совершенно очевидно, что он не любит этих святых, ради которых люди рискуют загубить свое здоровье; свята только церковь, единая и святая. Добрая душа, он не ставит крестьянам в упрек их просьбы звонить в колокола, чтобы отогнать грозу. «Но при чем тут Иисус? Какой смысл в этих крестах, водруженных на ваших полях, в благословении, которое вы испрашиваете для хлеба, соли, трав? Станете ли вы от этого лучше? Разве ваши «братства» помогут вам обрести Господа?»¹³.

Но, если суеверие — старый враг веры, то ныне на нас обрушился новый враг, лавина мерзких книг. Они «развращают наши города и наши села».

«Скажите, кто, кроме князя тьмы, мог породить эти гнусные книги, подрывающие все основы, и не только религии, но и разума и здравого смысла, но и чести и справедливости, но и самой природы человека? Их размножают с каким-то остервенением, их печатают, их распространяют с беспримерной наглостью. Это необузданная распущенность, не знающая никакого удержу: ни власть всехристианнейшего короля, ни законы католического королевства, ни рвение пастырей, ни бдительность судей не могут уже пресечь ее. Это настоящий поток злокозненности и растления, который, захлестнув столицу и сметя все плотины, хлынул уже в провинцию, докатывается до наших деревень и несет их обитателям, вплоть до самого мелкого люда, эти ужасные нравоучения, кои наставляют

¹¹ «Второй сборник» 22-е воскресенье после троицы (О вере) Мы уже отмечали исключительную преданность Реги епископату в то время, когда прерогативы последнего оспаривались Единая, святая, католическая, апостолическая церковь образует мистическое тело, как оно описано св Павлом «Место апостолов занимают» епископы. Они «столпы церкви, наши отцы и наши судьи в вопросах веры и подобны зенице ока Иисуса Христа» («Первый сборник» 22-е воскресенье после троицы Об уважении, кое должно оказывать властям) Следовательно, нет ничего удивительного в том, что Реги проводит столь резкое различие между священнослужителями церкви кафедральной и церкви коллегияльной Первые — это та категория пастырей, суждения которых в делах веры, согласно предвещанию Иисуса Христа, непогрешимы Непогрешимость, следовательно, присуща не одному только папе, главе церкви, но и епископам, которых он возглавляет, все вместе они — хранители веры Власть же приходских священников (второй категории пастырей) есть лишь «власть, зависящая от власти епископов и подчиненная ей», хотя она имеет то же происхождение и священник для своих прихожан заменяет Иисуса Христа Реги, следовательно, враг всякого пресвитерианства Епископ — первый пастырь епархии «Он вхож в наши церкви и отправляет там, когда пожелает, все службы, не нуждаясь для этого в согласии находящихся под его началом пастырей» Достаточно вспомнить, что это было напечатано в 1766 г., за два года до Люсонского синода, чтобы определить позицию священника Реги в поединке между защитниками и противниками епископата

¹² «Второй сборник воскресных проповедей» Четвертое воскресенье после богоявления (О вере)

¹³ «Первый сборник воскресных проповедей» Второе воскресенье после троицы. Истинное и ложное благочестие

их ничему не верить и ничего не уважать в своей жизни, словно им не на что надеяться и нечего бояться после смерти»¹⁴.

Грётхейсен отмечает, до какой степени Реги опасается влияния чтения на веру. Об этом свидетельствует нижеследующая проповедь из «Второго сборника» (Об образовании).

В тех приходах, где община недостаточно богата, чтобы держать учителя, «маленькие деревенские школы» были упразднены. Следует ли сожалеть об этом? Реги обращается с вопросом к своим прихожанам: «Вы, научившиеся читать и писать, лучше ли вы оттого обрабатываете ваши поля? Более ли искусны в вашем ремесле? И реже ли посещаете кабаки?»

«Тщательно исследовав, как обстоит дело, я пришел к выводу, — и мои собратья в свой черед, — что большинство дурных христиан в наших приходах относятся к числу тех, кто ходил в школу; а самые простодушные, самые чистосердечные, самые лучшие христиане не умеют ни читать, ни писать»¹⁵.

Дети, посещающие школу, приучаются к безделью. Только в поле, только дома они могут войти во вкус труда. Кроме того, «набившись вместе в школе», они портят друг друга.

«Книги, которыми они пользуются, часто дают им повод задуматься, задать себе вопрос, просвещают их насчет вещей, которые им вовсе не следовало бы знать, либо же только в двадцать пять лет»¹⁶.

Скудные знания, приобретенные ими по выходе из школы, порождают у них чрезмерное самомнение. Они считают себя выше других. Легкая добыча для книгонош, которые «распространяют в деревнях, как и в городах, неисчислимое множество дрянных брошюрок, равно способных погубить и чистоту нравов, и бесхитростность веры. Простой народ, недостаточно просвещенный, чтобы распознать яд, приемлет его, портится, отравляется, а потом смеется над проповедями своего священника»¹⁷.

Итак, школа иссушает источники народного благочестия. Этот простодушный человек, который «не может ни определить, ни истолковать что бы то ни было», ни о чем не спорит и соблюдает все обряды. Он неграмотен? Но его украшают «все добродетели». Нет никакой надобности в книгах, чтобы обучить детей подражанию Иисусу. Привлекайте их взоры к распятию. Приучите их видеть в этом образе жизнь и страсти спасителя, пребывающего с ними повсюду и всегда, их судьи и утешителя. Крест, голос совести, оставшейся неподкупной, вид поля, где созревает жатва, что еще нужно детям крестьянина? Пусть они предоставят школы, коллежи, книги, науки тем, коим предназначена иная деятельность! И пусть не вызывает удивления, что священник считает сельскую школу виновницей обезлюдения деревни; разве те, которых она обтесывает, не стремятся попытать счастья в городе?

Правда, в свою программу примерной воскресной проповеди Реги включает и чтение (Новый завет, Подражание (Христу), Жития святых), но он предпочитает, чтобы верующие, особенно поселяне, читали возможно меньше. А божественные книги? Кто знает, не почерпнет ли в них прихожанин доводы, не совпадающие с доводами пастыря? Жития святых? Конечно, но их можно истолковывать на всякий лад... Янсенисты, они тоже, занимались этим. Реги этого не говорит, но он думает об этом. А какой-нибудь шалопай читатель, не вознамерится ли он создать для себя собственную религию?

¹⁴ «Первый сборник воскресных проповедей». Пятое воскресенье после богоявления. О врагах нашего спасения и о способах победить их.

¹⁵ «Второй сборник воскресных проповедей». Первое воскресенье после богоявления (Об образовании).

¹⁶ Там же

¹⁷ Там же.

Реги уже в первом сборнике набрасывал портрет человека, «мыслящего по-своему».

«Свобода мыслить, рассуждать, даже писать по вопросам религии и нравственности, доведена ныне до такой крайности, что налицо почти столько же религий, сколько убеждений»¹⁸. Как раз в нашем веке общественное мнение увлечено идеей, будто всякое нечестие, всякая подобная наука имеют такое же право на существование, как и остальные, то есть на порок распространяется та снисходительность, с которой подобает относиться только к человеку. Забывают, что столетия проходят, а Евангелие пребывает вечно. Его догматы сегодня не менее обязательны, чем вчера. Осуждаемое им преступление остается преступлением, как бы его ни игнорировали или ни мирились с ним. Хуже всего то, что «это равнодушие к религии начинает проникать и в народ. Постоянно видя и слыша людей определенного общественного положения, даже должностных лиц, абсолютно неверующих, безнравственных, считающих пустяком прелюбодейство, супружескую неверность и самый ужасный разврат; постоянно видя и слыша их, народ мало-помалу свыкся с этим безобразием. Это распутство не внушает ему больше того отвращения, какое оно внушило бы ему прежде, и в конце концов он воображает, что зло не так уже велико, раз столько людей, более просвещенных, чем он, не стесняясь, занимаются им и его терпят»¹⁹.

Равнодушие, пишет Реги... Таким образом в деле распространения скептицизма к зловерному влиянию книги присоединяется еще воздействие дурного примера.

Следует отметить, что, набрасывая образ философа, Реги в первую очередь упоминает не деиста, атеиста или материалиста, но скептика. Кто сблизится с философом, тот будет осужден метаться туда и сюда, смотря по тому, куда увлечет его доктрина. Вера объединяет, философия разъединяет. Вера раскрывает нам смысл нашей жизни и нашей смерти; философия же — это искажение смысла.

Вот почему старый священник, еще раз цитируя Евангелие от Матфея, рекомендует своему младшему собрату никогда не вступать в спор с философами, за исключением того случая, — маловероятного, — когда они сами пожелают поучиться.

«Как можно рассуждать о чем-либо с людьми, лишенными каких-либо твердых убеждений; не знающими, ни что они делают, ни откуда они явились, ни что им предстоит; не знающими, следовательно, ни о чем они говорят, ни чего они хотят? Наставляйте их, молитесь за них, обращайтесь с ними при всех обстоятельствах с большой кротостью и вежливостью, но ограничивайтесь этим; *ne forte conculeant, eas pedibus, et conversi dirumpant vos*» (от Матфея, 7)²⁰.

Реги — это можно было подозревать — чужд католического *Aufklärung* (просветительства). Он не из тех духовных лиц, которые считают, что современная им философия базируется на Евангелии. И не из тех священников-экономистов, которыми восторгается редактор «*Ephémérides du Citoyen*». Таков, например, священник в Сен-Жиле (руанская епархия), финансирующий из средств своего прихода программу строительных работ; таким образом он обеспечивает бедноте занятость во время мертвого сезона²¹. Или священник из суассонской епархии, издавший в Париже брошюру в 136 страниц, главная мысль которой заключается в том, что основные положения школы физиократов несомненно согласуются с прин-

¹⁸ «Первый сборник воскресных проповедей». 24-е воскресенье после троицы.

¹⁹ Там же.

²⁰ «Lettre à un jeune curé» (1787).

²¹ «Ephémérides du Citoyen», 1771, t. 8.

дипами евангельской морали. Бог един, вера едина, говорит Реги. Его собрат пишет

«Бог един, закон един»²².

Следовательно, политическая экономия «составляет часть» науки о спасении. Экономист и священнослужитель возвещают одну и ту же истину. Бог хочет, чтоб мы были добродетельными и благоденствующими²³.

Как это далеко от Реги! По его мнению, ученые крестьянам ни к чему Паства следует предначертаниям провидения, руководствуясь не сомнительным светом какой-нибудь науки, но полагаясь на «Таинства Иисусовы», которые «непрестанно совершаются в церкви» Что останется от современных доктрин в глазах тех, кто понял, что церковь — хранитель слова непреходящего, постоянно звучащего благодаря ей в сердцах тех, кого она объединяет? Она — память, свидетель, поручитель неустанно повторяющейся истории. Иисус умирает и воскресает «в душе грешников». И именно у деревенских жителей, «у землепашцев», «ремесленников», «прислуги» и у «всеего простонародья» сохранилось уважение к святине²⁴.

Что же касается того, кто стремится «придать себе значительность и выделиться из толпы», то не ждите от него на богослужении благопристойности «бедного крестьянина», который преклоняет колени, простигается ниц, молится благоговейно Он так одержим желанием стать выше «народа», что сам исключил себя из «паствы»²⁵. Подобно фарисеям, которые слушали Иисуса Христа, чтобы критиковать его и «придраться к чему-нибудь в его речах», особы, «стоящие выше черни», посещают храм «не для того, чтобы внять слову божию и извлечь из него поучение, — ведь, по их мнению, они достаточно сведущи в этой области», — но для надзора за пастырем²⁶

Реги резок с ними, с этими утонченными натурами, считающими шутством «некоторые общепринятые церковные обычаи» и презирающими «некоторые религиозные обряды», не понимая, что они — та кожа, которая сохраняет плод. Вы хотите «выделиться?» «Смешайтесь с толпой». Народ тем более станет уважать вас, когда увидит вас, агнца, в первых

²² В письме, адресованном редакции «Ephémérides», цитированном в «Ephémérides du Citoyen», 1771, 4

²³ Священник-физиократ предлагает катехизис политической экономии, «Les devoirs de l'homme, ou abrégé de la science et de l'Economie politique» «Les Ephémérides» хвалят это произведение

²⁴ «Первый сборник воскресных проповедей» Четвертое воскресенье поста Реги опирается на опыт, которым мог обладать только деревенский священник Нижеследующее описание смерти лиц той или другой категории не вызывает сомнения в своей достоверности «Я говорю, как свидетель и поверенный их чувств, как принявший последний вздох этих славных людей, которые не запытали себя большими преступлениями и не были тревожимы страстями, столь сильно привязывающими человека к земле, проведя жизнь в невинности, они умирают в мире, исполненные привычной им простой веры, они видят в смерти лишь переход к лучшей жизни При малейшем подозрении, что их болезнь опасна, они сами требуют соборования, не дожидаясь предупреждения, и ничего так не страшатся, как умереть без него или воспринять его не в полном сознании Иначе обстоит дело, как вы знаете, с теми, которых именуют людьми с положением Они бледнеют и приходят в смятение при одной мысли о смерти, едва решаясь заговорить с ними о ней, даже когда она уже у порога

А если дело идет о соборовании, то предлагать его можно лишь, когда они уже почти испускают дух, причем нужно подходить к этому издалека, и, объявляя им, что они при смерти, нужно, так сказать, внушать им надежду, что они не умрут А потом, боже правый! какие покаяния, какие страхи! они не отдадут богу душу, но смерть вырывает ее у них»

²⁵ Реги в своей проповеди в «Первом сборнике» — «Об уважении, кое должно оказывать властям», — с возмущением и прискорбием говорит об этих «знатных семействах» (большей части их), не признающих ни постных дней, ни воздержания, ни великого поста, ни исповеди, ни пашки Они «издеваются» даже «над угрозой отлучения от церкви». Итак, дети «раздирают грудь своей матери, они бьют ее по щекам, плюют ей в лицо, покрывают ее позором» Они распинают мистическое тело Христово

²⁶ «Первый сборник воскресных проповедей» Четвертое воскресенье поста. О том, что благочестие встречается преимущественно у народа

рядах паствы, соблюдающего «наряды с ней все обряды христианской веры». За вашу гордыню, за ваше отступничество вы расплатитесь дважды.

«Ваш пахарь, ваш виноградарь, ваш слуга обретают небо, которое вы теряете»²⁷.

Но и здесь, на земле, вы работаете против самих себя. Ибо ваши исключительные права, ваши почести и ваше имущество могут сохраниться за вами только в том случае, если вы не будете являть собой для людей скромного звания зрелища человека, который не уважает то, что уважают они. Какое заблуждение полагать, что регулярное посещение церковных служб, соблюдение постов и прочее — это хорошо «для народа», но не для вас!

«Именно вам надлежит возглавлять все церковные церемонии»²⁸. Ибо речь идет о вас. Не «в ваших ли интересах», чтобы народ любил религию и ее обряды? «Те, кто обрабатывает ваши земли, ваши слуги, те, которым вы продаете и у кого покупаете, все те, кто трудится на вас, все они будут лучше или хуже блюсти ваши интересы, будут более или менее преданы вам и заслуживать ваше доверие в зависимости от того, будут ли они более или менее религиозны. Подавайте, следовательно, им пример благочестия, оно всегда полезно. Выделяйтесь из народа вашей набожностью, как вас возвышает над ним ваше звание, ваше происхождение или ваше богатство»²⁹.

Такие же заклинания во «Втором сборнике». Вера? Цемент социального мира. Этот необразованный человек, чувства которого делают честь всему роду людскому, откуда у него эта тактичность, эта умеренность во всем, «удерживающая его в рамках состояния, уготованного ему провидением; он не завистлив, не ропщет, не скряга; он доволен, что ему и его семье есть чем прокормиться и во что одеться; и он все так же доволен, когда, как то порой случается, он, по воле божьей, нуждается в самом необходимом»³⁰.

Благодаря вере он чувствует себя счастливым там, где он находится и где он останется. А вы, господа, воображающие себя уполномоченными нивесть кем «разоблачить перед всем миром христианство», вам следует скорее страшиться этой философии, которую вы так превозносите! Если когда-либо «она проникнет в народ и в наши села», то наше имущество будет разграблено, мы сами не будем более в безопасности, исчезнет узда, которая сдерживает страсти, «произойдут ужасные вещи, и все погибнет»³¹.

Безумное противоречие: «Вы говорите, что народу нужна религия, христианская религия. И вы делаете все возможное, чтобы он отошел от нее».

Но тут надо уточнить, как, по мнению Реги, складываются отношения между народом и властью.

* * *

В «Первом сборнике воскресных проповедей» темой проповеди для 22-го воскресенья после троицы служит именно (Евангелие от Матфея, гл. 22: *cuji est imago, et superstitio*) уважение, кое должно оказывать властям. Во все времена главным источником волнений как в церкви, так и в государстве был отказ от повиновения им. Реги отвергает доктрину, которая для оправдания подобного отказа приписывает установление свет-

²⁷ «Первый сборник воскресных проповедей». Четвертое воскресенье поста. О том, что благочестие встречается преимущественно у народа.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же.

³⁰ «Второй сборник воскресных проповедей» Третье воскресенье после богоявления (О вере).

³¹ «Второй сборник воскресных проповедей». Пятое воскресенье после богоявления (О короле).

ской власти «стечению обстоятельств», честолюбию дерзновенных. Достаточно ясно, что политическая теология Реги противоположна политической теологии Паскаля, Мольтро, янсенистов; светская или церковная, всякая власть ниспослана провидением. Только эта «драгоценная истина» может действительно подавить «дух мятежа». Проповедник проводит различие между кесарем и богом, между светской и духовной властью, но народ одновременно дитя бога и дитя государя. Разве св. Павел не учил, что роль — «посланник бога, облечшего его своей властью»? Он, следовательно, совершенно независим в осуществлении своей верховной власти, ибо она дарована ему свыше, а не теми, кто ниже его. Следовательно, тот, кто мечтает о конституционной монархии, не в ладах с богом. И такое же безусловное повиновение, какое подданные оказывают монарху, они обязаны оказывать всем гражданским и военным должностным лицам, которым король вверяет «часть власти».

Христианин он или нет, государь — прообраз божества. Христианин он или нет, он прав, выступая против всякого мятежа своих подданных, пусть даже дело идет «о самой их жизни». И подданные были бы не правы, если бы вздумали протестовать против роста налогового бремени. Реги это известно, горькая память о Семилетней войне не изглаживается.

«Даже когда тяжелые времена и нужды государства вынудили его величество испросить увеличения налогов, мы видели, как вы, мои дорогие чада, забыли до некоторой степени о своем бедственном положении, исполненные жалости к тому, кого вы называете вашим добрым королем...»

Ни в коем случае не подобает народу осуждать своего повелителя; единственный судья между ними — Евангелие. Следовательно, единственный посредник — это церковь, церковь, а не парламент³².

Церковь берет на себя, таким образом, двоякую обязанность. Она связывает народ с королем, а короля с народом. Она освящает союз монарха с его подданными, она предстательствует за них перед ним. Охрана религии и защита церкви, вот в чем одинаково заинтересованы и монарх, и народ.

Реги охотно вновь и вновь возвращается к проблемам власти. В особенности в своей яркой проповеди во «Втором сборнике», посвященном обязанностям подданных по отношению к их государю (22-е воскресенье после троицы. Евангелие от св. Матфея, Воздайте кесарево кесарю). От одного издания сборника к другому доктрина не меняется. Но все же стоит их сравнить. Царствование Людовика XV подходит к концу. Проповедника пугает эта «неистовая страсть к рассуждениям о делах государства и к критике тех, кто им правит», тлетворное влияние которой он видит всюду. Даже само понятие «общественное мнение» кажется ему противоречащим здравой теории власти. Кого из нас можно считать правомочным критиковать государя? Нет ничего более необходимого для мира в государстве, как безусловное уважение к его авторитету, — «так, чтобы то, что было постановлено на его тайном совете, исполнялось при полном безмолвии народов». Реги хочет убедить верующих, что величие короля тождественно величию бога. *Reg me reges regnant* (короли правят именем моим). Кто говорит «король», говорит «бог». За этим следует все остальное. В том числе и то, как мы должны относиться к полиции, к королевскому прокурору... и к генеральным откупщикам податей.

Но если Реги воздает благодарность «*Louis le bien-aimé*» как защитнику веры, то он сожалеет, что те, которым поручено осуществлять его постановления, проявляют такую мягкость, когда кабатчики бросают вызов

³² Тут видно, до какой степени наш проповедник враждебен взглядам, выраженным, например, в «*Manuel des Souverains*» («Руководство для государей») аббата Барраля (1754), который возлагает на парламент задачу защищать подданных короля против абсолютизма и произвола.

церкви. Разве не запрещено торговать вином во время церковных служб? И разве налоговые чиновники не обязаны следить за тем, чтобы кабатчики платили «немедленно и сполна» причитающиеся с них налоги и пошлины?

«...налоги и пошлины с кабаков, и в особенности с деревенских кабаков, которые никогда не будут ни чрезмерными и ни такими большими, какими им следует быть».

Разве монархия не заинтересована в защите этой церкви, которая ее защищает? Следовательно, священник связывает едиными узлами евангельского учения трон и алтарь. Католическое духовенство, укрепляющее в умах и сердцах миллионов верующих, из коих состоит народ, убеждение в незыблемости и законности государственного строя, является «самым необходимым и самым драгоценным для государства сословием» («Первый сборник», 1766. Об уважении, кое должно оказывать властям).

И государство не может отречься от священнослужителей, не отрекаясь от самого себя.

Та же самая проповедь подвергает уничтожающей критике тех, кто замышляет подчинить духовенство режиму, который превратил бы его попросту в иррациональных, «в наемных служащих, раздающих кровь Иисуса Христа направо и налево, чтобы напоить ею всех, даже самых недостойных и самых нечестивых, если они того потребуют».

Реги, проживи он еще несколько лет, высказался бы, само собой разумеется, против гражданского состояния духовенства. Но и без того не чувствовал ли он себя уже несчастнейшим из пастырей, слушая, как юристы и члены парламента утверждали, что пора сорвать с духовенства мантию патриарха и отнести служение богу к категории общественных услуг? Не найдут ли также нужным лишить священника права отказывать в таинствах? В таком случае паства — «будет просить о них не как о милости, но как о выполнении обязанности». Священнослужители перестанут тогда считаться «служителями верующих, но превратятся в служащих народу».

При таком режиме не будет больше ни пастыря, ни паствы, не будет больше общины верующих в храме божьем, но лишь нестройная толпа, где каждый волен думать, как ему угодно, и все имеют право предъявлять требования к священнику во имя закона.

* * *

Итак, Реги не мыслит звания священника и его деятельности без гарантии некоего представительства «народа», опирающегося на непреложное слово пастыря и безропотно подчиняющегося ему, *fides ex auditu* (по первому слову), как стадо пастуху.

Отныне он вступает в противоборство со всеми — духовными лицами и мирянами, — кому стали невтерпеж ограничения, налагаемые на них общественным строем, так туго поддающимся изменению. Социальная неустойчивость пугает его. Он требует, чтобы каждый оставался в своем прежнем положении и готовился к спасению своей души там, где он пребывает по воле провидения.

Когда зажиточный крестьянин упорно хочет воспитать своих детей на буржуазный лад, а преуспевающий купец стремится покупать земли и должности, выдать дочку замуж за какого-нибудь «знатного барина», — вот что не входит в цели провидения³³, которому ненавистно смешение сословий. Тот, кто желает слишком многого, рискует стать жертвой своих чрезмерных притязаний и оказаться еще более ничтожным, чем раньше. И тот богатый земледелец, который, вместо того чтобы расточать благодеяния,

³³ «Второй сборник воскресных проповедей». Четвертое воскресенье поста (О милостыне).

возложил на себя, ради карьеры своих детей, слишком тяжкое бремя, вскоре станет нуждаться в самом необходимом³⁴.

Реги презирает выскочку.

«Сын жалкого ремесленника, унаследовавший от отца кое-какие средства, распродал свои инструменты и закрыл свою мастерскую, вдруг становится совершенно иным: у него другая одежда, другие манеры, другая речь, чуть ли не другое лицо; он требует, чтобы в официальных документах его величали «господином»; он счел бы предосудительным, если бы мы не именовали его таким же образом в наших церковных книгах, в наших книгах, где он числится сыном каменщика, сыном кузнеца, сыном сапожника или кем-нибудь еще в этом роде»³⁵.

Взгляните на этого молодого крестьянина, примерного поведения и здравомыслящего; он соблюдает обряды, он «полон преданности и уважения к церкви»³⁶.

Все это исчезает, если он, покинув плуг, «нанимается на услужение в большой город и попадает [...] в одно из тех семейств, которых сейчас развелось так много». Когда он возвращается в деревню, у него высокомерный вид; всех оскорбляет его «самодовольный тон». Он издевается над религией, священниками, исповедью, крещением, он стоит во время мессы, он никогда не присутствует на вечерне. «Бедный пастырь, приложивший столько труда для его обучения, молитве бога, чтобы этот зачумленный не задержался надолго в вашем приходе»³⁷.

Какой контраст с тем, кто сохранил свое простосердие! Таков слуга, которого восхваляет Реги. Его хозяин для него — прообраз Христа. Он всей душой предан тому, кто его кормит, платит ему, дает ему уроки благочестия. И даже если его хозяин суров с ним, он продолжает работать у него весь срок, как человек, «по положению своему обязанный услужать другим»³⁸.

Но если Реги взялся за перо, если пастырь стал писателем, не потому ли это произошло, что «народ» все более и более теряет свой прежний облик? Этих же самых прихожан, — с их пламенным и непритворным благочестием, с их неиспорченностью и правдивостью, — которых Реги ставит в пример знати, этих же прихожан он в той же проповеди подозревает в том, что они с ним хитрят (*Populus puer... Populus malitiosus*). Кто может знать, не притворство ли их набожность? Кто может ручаться за благочестие народа? Ибо есть среди них и такие, которые причащаются, которые не пропускают ни одной церковной службы, ни одной процессии, которые состоят во всяких «братствах». Но «они встанут по ночам, чтобы опустошать наши сады, воровать наши плоды, собирать наш виноград. Они просят освящать травы, когда заболевает их скот, но этот же самый скот поедает наш хлеб на корню, уничтожает наш урожай, губит наши леса. Они набожны в церкви, они долго молятся, благоговейно складывая руки, целуют землю; но, выйдя из церкви, они направляются в кабаки, они напиваются, у них на языке только ругательства и непристойности»³⁹.

Но позвольте, скажут нам, не напоминает ли нам пастырь о том, что мы уже давно знаем? Разве каждый святой в то же время не грешник? А каждый верующий — неверующий?

³⁴ «Второй сборник». Четвертое воскресенье после троицы (О честолюбии).

³⁵ Там же.

³⁶ «Первый сборник воскресных проповедей». Двадцатое воскресенье после троицы (К хозяевам и прислуге).

³⁷ Там же.

³⁸ Там же. В той же проповеди Реги набрасывает портрет дурного хозяина, который отправляет захворавших слуг в больницу.

³⁹ «Первый сборник воскресных проповедей». Четвертое воскресенье поста.

Тут Реги пользуется случаем, чтобы напомнить низам, что с их стороны неправомерно было бы сурово судить тех, кто, «стоя выше» их, ведет якобы менее христианскую жизнь, чем они. «Если бы, по воле провидения, эти люди оказались на вашем

Конечно, но Реги подразумевает большее, и в этом суть спора между пастырем и его паствой. Дело идет не только о разладе между видимостью и сущностью, между соблюдением обрядов и подлинной религиозностью, о разногласии между сохранившими веру и отречшимися от нее.

Есть нечто другое. Действительность не соответствует более тому представлению о ней, которое возбуждало такие страстные надежды у проповедника.

Так, например, когда в своем «Первом сборнике» Реги осуждает применение противозачаточных средств, отвращающее брак от его цели и бросающее наглый вызов провидению, он предстает перед нами не только как пастырь в схватке с грехом. Хотя во второй половине XVIII в. рождаемость регулярно превышала смертность, «страх,— по словам самого Реги,— слишком многочисленной семьи»⁴⁰ тяготел над крестьянами. Двенадцать лет спустя, Моо (Moheau) поднимет вопрос о «зловещих секретах», которые проникли «даже в деревни»⁴¹. Начиная с 1756 г. Мирабо указывал, что уменьшение населения Франции объясняется не неповиновением детей божих, но экономическими причинами (упадок земледелия, преобладание крупных поместий, роскошь) и слишком тяжелыми налогами⁴². Что могут поделаться проповеди против демографии? И каким способом могут они изменить умонастроение «рабочих, у которых нет хлеба и которые тем не менее пребывают в праздности под предлогом, что их либо вовсе не нанимают, либо предлагают слишком низкую плату; как будто не лучше зарабатывать немного, чем совсем ничего; как будто нельзя искать работу где-нибудь в другом месте, если ее нет в своем приходе».

Эта проповедь во «Втором сборнике» (напоминаем его дату: 1773), как ее воспримут в низших слоях городского населения, нищающих все больше и больше по мере приближения века к концу,— и все безземельные и безработные крестьяне, число которых все возрастает, сельский пролетариат, чьи ряды множатся под двойным гнетом демографии и экономических преобразований? Но Реги об этом не задумывается! Корень зла в беспечности, в пустой трате времени.

«Лишь очень немногие из числа известных мне неимущих действительно достойны сожаления; лишь очень немногие из бедняков не сами виноваты в своей судьбе, не сумев правильно распорядиться своим временем. Тот, у кого есть руки и ноги, кто здоров и силен, может нуждаться в хлебе только в исключительных случаях, а они редки. Потерянное время, потерянное время! Это ты порождаешь нужду, наполняешь больницы, создаешь воров, ты причина этих жалоб, этих постоянных сетований, которыми нам прожужжали уши досыта.

Время суровое, налоги нас разоряют, барщина нас замучила. Ладно, но именно поэтому не надо терять ни минуты. Чем суровее время, тем более надо дорожить им и употреблять его с пользой. По этому поводу есть прекрасное изречение св. Павла: «Racheter le temps, parce que les jours sont mauvais»⁴³ («Наверстывайте потерянное время, ибо наступают тяжелые дни»). Действительно, народ, которого увещевает Реги,— это народ, коему делаются все более и более чужды церковные проповеди и церковные интересы и который добивается своих интересов, непосредствен-

месте, они были бы лучшими христианами, чем вы». А вы, подвергшись соблазнам, которые их окружают, «стояли, быть может, меньше, чем они». Это напоминание часто встречается у Реги. Нельзя, чтобы маленькие люди считали себя лучше людей с положением. «Знайте, что среди них имеются истинные христиане, благочестие которых значительно выше вашего и которые достойны служить вам примером».

⁴⁰ «Первый сборник воскресных проповедей». Четвертое воскресенье после троицы (О провидении).

⁴¹ «Recherches et Considérations sur la population de la France».

⁴² См. «L'Ami des Hommes ou Traité de la population».

⁴³ «Второй сборник воскресных проповедей». Третье воскресенье перед пасхой (О времени).

ных, насущных, подчиненных таким же непреложным законам, как законы физического мира. Творение божие познает на опыте, что означает быть «общественным животным». И то, что живописует, одно воскресенье за другим, священник,— это, безусловно, не хроника мятежа (диссиденты против верующих), но история всех этих прихожан, которые следуют букве учения, утратив его дух.

Об этом можно судить по нижеследующей проповеди о святости воскресенья⁴⁴. О! вопрос этот не нов. Сколько уже, до нашего автора, вступали в бой за воскресенье!⁴⁵ Воскресенье, разъясняет Реги, это не только присутствие на богослужении. Бог требует, чтобы воскресенье было посвящено ему целиком! Реги производит смотр своим прихожанам. Вы, сударыня, «вы проведете три четверти с половиной этого святого дня, частично принаряжаясь, частично принимая визитеров или нанося визиты. Прогулка, игры, разговоры, пустое чтение наполняет ваш день; но вы убеждены, что раз вы не шьете и не прядете, вы чтите святость воскресенья».

Вы, купец, по воскресеньям запираете вашу лавку. Но дела ваши не спят... Вы проводите день господень в просмотре ваших «торговых книг», в посещении «ваших складов», в подсчете ваших «прибылей», в писании писем вашим «корреспондентам».

Что касается вас, земледелец, то ваш плуг «празднует». Но вы проводите воскресенье в «осмотре вашего стада», в посещении ваших полей, в «проверке счетов» ваших слуг, в «закупках», в «расчетах» с вашим хозяином.

А рабочие? Целое утро они будут «разносить во все концы работу, выполненную ими за неделю...» А сколько их оскверняет воскресенье «недозволенным трудом»?

«Вот рабочий, который трудится до трех или четырех часов утра, в ночь с субботы на воскресенье. Ему безразлично, что он не повинуется богу, лишь бы его заказчики были довольны».

И, опять-таки, эти купцы...

«которые взвешивают, отмеряют и выдают свой товар затворившись, как будто ты, о боже, не видишь их, если двери заперты, как будто разрешается делать то, что ты запрещаешь, лишь бы это не делалось на людях. Но боятся ведь не тебя, считаются не с твоими заповедями, а с полицией и штрафами».

Когда наступает время уборки урожая, как трудно бывает заставить «уважать закон господень!» Те, кто просит разрешить им работать в воскресенье, рассчитывают на «покладистость», на «преступное попустительство» властей. Горькая истина — все больше и больше людей «относятся к воскресенью, как к любому другому дню». Все больше и больше распространяется убеждение, что день господень... «потерянный день».

Итак, мы видим, что священник вынужден жаловаться не только на тех, кто проводят воскресный день в развлечениях!

В своем «Письме к молодому священнику» (1787) он вновь возвращается к вопросу о святости воскресенья, которое «кое в каких приходах стало почти равнозначным базарному дню». Базар, которого священник должен сторониться так же, как и философов. Не там ли торжествует «проклятая прибыль»? Не этот ли самый «дух прибыли» «вскружил столько голов», не он ли «вносит раздор» даже в семьи? Не он ли породил «отвратительное ростовщичество, воровство, грабежи, недобросовестность, мошенничество, и почти всю ту несправедливость, с которой люди относятся друг к другу. Проклятая прибыль, это ты грабишь вдову, разоряешь сироту, уничтожаешь документы, вырываешь межевые знаки, вносишь пу-

⁴⁴ «Первый сборник воскресных проповедей». Шестнадцатое воскресенье после троицы.

⁴⁵ См. P. Croiset. Parallèle des moeurs de ce siècle et de la morale de Jésus Christ.

таницу в наследства, узурпируешь, захватываешь их. Это ты ожесточаешь сердце богача к страданиям бедняков, это ты держишь под замком в голодные годы зерно, которому надлежало бы принести изобилие на рынки. Это ты ослепляешь людей, внушаешь им ложное представление о совести, отвращаешь их от самых священных обязанностей, возлагаемых религией, побуждаешь осквернять недозволенным трудом самые священные и самые высокоочтимые дни...»

Никого, следовательно, не удивит, что Реги с исключительной резкостью обрушивается на «ростовщичество». Ссуда под проценты?

«О, какая любезная услуга! О, какое своеобразное милосердие! разоряющее целые семьи, опустошающее всю деревню, если там, по несчастью, окажется какая-нибудь из этих ловких гарпий, которые под предлогом помощи беднякам мало-помалу довершают их разоренье и становятся в конце концов собственниками доброй части полей, лугов, виноградников того прихода, для коего, по их словам, они были опорой и чуть ли не ангелами-хранителями»⁴⁶.

Этот бедняк имеет право на вас, а вы приписываете себе все права на него. Мало того, что вы доводите его до нищеты, до отчаяния. Вы его бесчестите. Он станет рабом, которым вы распоряжаетесь по своей прихоти, помощником в ваших мошенничествах, лжесвидетелем, которого вы вызываете в суд; его жена станет вашей игрушкой. Спекулировать на нужде ближнего не значит служить ближнему, это значит поработать его. Невозможен никакой компромисс между ростовщичеством и запретом, налагаемым на него евангелием, между духом милосердия и интересами кредитора⁴⁷.

Тут Реги, на свой лад, бросает обвинение обществу, где все более господствуют обмен и деньги, обществу, где плоды человеческой деятельности и сама эта деятельность все более и более втягиваются в сферу меновой стоимости; обществу, где по мере распространения кредита доверие превращается лишь в синоним всеобщего недоверия; обществу, где все рассчитывают только на самих себя, старательно делая вид, будто они рассчитывают на помощь ближнего.

Но пастырь не более властен над политической экономией, чем над демографией. На что же ему, однако, решить? Либо остаться одному с богом, либо найти общий язык с теми, которые слишком заняты в этом мире, чтобы их можно было заставить отречься от него.

Конечно, никакой «сплав» между христианским учением и моралью и «житейскими правилами» невозможен. И Реги разрешает себе напомнить

⁴⁶ «Второй сборник воскресных проповедей» Первое воскресенье после пасхи (О спокойной совести). О ссуде под проценты Длинное и подробное изложение этого вопроса в проповеди на 21-е воскресенье после троицы. О долгах («Второй сборник»).

⁴⁷ Реги громит также роскошь. Эти торговцы, эти рабочие, которые снабжают вас всякой «льстящей» вашему тщеславию мишурой, разоряют государство и земледельца. Он выбивается из сил, чтобы прокормить «толпу бесполезных людей». Город переполняет все эти паразиты, обдирающие крестьян. В антологию бедственного положения поселян в последние декады XVIII в. следовало бы включить несколько цитат вроде следующей.

«Это у нас, пастырей, это у нас надо спрашивать, каких пределов достигают страдания этих бедняков, когда они заболевают; у нас, обязанных по своему положению навещать их, выслушивать их исповедь, или, вернее, ужасающий перечень их нужд, долгую историю их лишений; у нас, ибо мы видим своими глазами и трогаем своими руками жалкое ложе, где они мучаются, и покрывающие их лохмотья, хлеб, который они вынуждены есть, похлебку и другую еду, поддерживающую лишь изнуряющую их лихорадку; у нас, которые слышат их вздохи и которых орошают их слезы; у нас, все еще достаточно состоятельных, дабы нас обвинили в скопидомстве, хотя от наших стад мы получаем ничтожно мало молока и шерсти. Мы навещаем, мы соборует бедных больных, но в состоянии ли мы снабдить всех хлебом, вином, бульоном, доставлять им врача, хирурга, лекарства, без чего они неминуемо погибнут?» («Второй сборник воскресных проповедей». Четвертое воскресенье поста).

пустоголовым, что не следует исключать возможность полного отречения от мирских благ:

«Если бы я вам сказал, что, отдавшись служению богу, вы вынуждены будете отказаться от всего, что у вас есть и что вам дорого в этом мире, от вашего положения в обществе и от вашего состояния, от ваших друзей и вашей семьи, от всех радостей, от всех удовольствий, которыми вы можете наслаждаться на земле, чтобы общаться только с богом, молиться ему с утра до вечера, думать только о нем, проводить остаток дней ваших в уединении и покаянии,— все это могло бы испугать вас. И однако если бы это понадобилось для спасения вашей души, хочешь — не хочешь, пришлось бы на это решиться, ибо, в конце концов, что такое весь мир в сравнении с этой душой? И если вы, по несчастью, погубите ее, как вы сможете обрести ее вновь»⁴⁸.

Но это абсолютное оружие пригодно только для разубеждения. Полного отказа, по существу, «...от вас вовсе не требуется. В служении богу нет ничего не совместимого с вашим общественным положением, с вашей карьерой, с вашим состоянием...

Занимайтесь вашей профессией, заботьтесь о ваших делах, употребляйте с выгодой ваши средства, стройте благополучие вашей семьи, встречайтесь с вашими друзьями, выполняйте ваши обязанности перед обществом и соблюдайте требуемые им приличия; уделяйте физическим упражнениям и развлечениям для ума столько времени, сколько надобно для отдохновения тела и души. Евангелие ни в коем случае не запрещает удовольствий, если только они не идут вразрез со здравым смыслом...»⁴⁹

Безусловно есть нечто трогательное в старании Реги примирить служение мамоне со служением богу, провидение и мирские интересы.

«Тот, кто вознамерился приумножить свое имущество, какие только тяготы он на себя не возлагает! Он разъезжает и ночью и днем, во всякое время года и по всякой погоде; он страдает от холода и жары, от голода и жажды; он жертвует своим досугом, своим здоровьем, он рискует подчас собственной жизнью, и нет надобности вдаваться в особые подробности, и так ясно, что, уделяй эти люди служению богу столько же энергии и столько же труда, сколько они уделяют удовлетворению своего честолюбия или своего корыстолюбия, они стали бы святыми; а если бы для того, чтобы обрести небо, нужно было бы терзаться так, как терзаются они, то число истинных христиан, уже теперь незначительное, бесконечно уменьшилось бы»⁵⁰.

Разве труднее завоевать небо, чем покорить землю? Духовное лицо или мирянин,— тот, кто вручает себя провидению, разве тем самым не избавляется он от испытаний, которым подвергается купец или земледелец при выполнении обязанностей своего сословия?

Правда, — признает Реги, — те, кто напряженно трудятся, чтобы занять лучшее положение или попросту чтобы прокормиться, не без основания считают, что провидение не одобряет их от надобности работать. И разве труд не «кара»? Пусть они по крайней мере знают, что их деятельность лишь случайный эпизод в правопорядке, установленном богом.

Итак, то, что требует пастырь от верующих, это не изменения их образа жизни.

«...За исключением того дурного, в чем вас упрекает совесть, вы будете делать то же, что и сейчас, только ваши поступки будут продиктованы побуждениями, более благородными, более возвышенными, более достойными честного человека и христианина. Вместо того, чтобы трудиться

⁴⁸ «Первый сборник воскресных проповедей». Четырнадцатое воскресенье после троицы. Служение богу.

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ Там же.

во имя честолюбия или тщеславия, вы станете работать, имея в виду благо общества, в духе милосердия, в духе покорности, повинуюсь богу, который осудил нас на труд»⁵¹.

Подобное высказывание встречается и во «Втором сборнике». Например, в проповеди о молитве. Да, мы можем требовать только то, что требует бог. А сколько людей, движимых самолюбием, заблуждаются на свой счет, воображая, что они следуют воле божьей в то время, как они исполняют только свою собственную! Наша молитва, подобно молитве Иисуса, не должна иметь иной цели, кроме прославления бога отца и чествования его избранников. Но не возбраняется спрашивать, во имя Иисуса, и преходящих благ «...при условии, что мы просим о преходящих в связи с вечными пребывающими»⁵².

Иисус не обрекает нас на отказ от каких-либо земных желаний, лишь бы при этом мы не преследовали цели, которые он порицает.

Будет ли с нашей стороны заблуждением, если мы сделаем вывод, что требования, предъявляемые пастырем к своим подопечным, заключаются не в том, чтобы они изменили свой образ жизни, но в том, чтобы их жизнь приобрела иной смысл. Безусловно, надо быть смиренным и справедливым, добродетельным, милосердным. Но слово божие должно быть доступным всем сословиям. Иначе кто бы ему внял? Хочет он этого или нет, пастырь должен приспособляться к своей пастве. Одна вера, да. Но также один век (*unum saeculum*). Реги, мы это видели, не относится к числу тех, кто вступает в сделки с философами. Но, в конце концов, церковь существует не для того, чтобы препятствовать земле возвращаться. Если все хорошенько взвесить, пастырь берет слово не столь для того, чтобы приказывать, сколь для того, чтобы призывать. Призывать народ к мистическому правопорядку, преступить который он не может, не отрехшись от бога и от самого себя.

⁵¹ «Первый сборник воскресных проповедей». Четырнадцатое воскресенье после троицы. Служение богу.

⁵² «Второй сборник воскресных проповедей». Третье воскресенье поста. О молитве.

Тематически связанные материалы

А.Иоаннисян. Коммунистические идеи в годы

Великой французской революции

В.Волгин. Развитие общественной мысли во Франции в XVIII веке

В.Волгин. Социальные и политические идеи

во Франции перед Революцией

В.Волгин. Французский утопический коммунизм

Л.Гордон. Некоторые итоги изучения запрещенной литературы эпохи Просвещения (вторая половина XVIII в.) / ФЕ 1959

Р.Дерате. Современные труды о политических идеях во Франции в век Просвещения/ ФЕ 1966

А.Иоаннисян. Мишель Кюбьер в годы революции

С.Гужон. Последние сочинения и последние годы жизни Пьера Доливье

С.Сафронов. Социальные воззрения Пьера Доливье

С.Сафронов. Социальные воззрения Буасселя

Л.Гордон. Забытый утопист XVIII века Тифэнэ Деларош

Л.Гордон. Неизвестный публицист XVIII в. Огюстен Руий

Г.Бесс. Забытый проповедник Франсуа-Леон Реги (1725-1789)

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/biblio_1.htm